

Марина ГАХ

«ЧТОБ ЛЮДСКИЕ ЗАКОНЧИЛИСЬ ВОЙНЫ...»

Марина Владимировна Гах родилась в Ялте, окончила Ленинградский инженерно-строительный институт по специальности «архитектор», Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Ю. Кузнецова), кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Наши современник», «Возрождение» и др. Победитель конкурсов «Золотое перо», «Патриот России», лауреат премий им. Р. Рождественского, им. К. Симонова и др. Многодетная мама. Живёт в Москве.

И осень поздняя, и розы.
В саду давно всё отцвело,
И травы заплели морозы,
И луж туманится стекло.

Земля ждёт снежного покрова,
И горизонт сквозит зимой.
Но куст один горит пунцово,
Какие розы, Боже мой!

Такие не увидишь летом,
Всё их цветенье — вопреки.
Они не напитались светом,
В них тлеет тёмный жар тоски.

Тоски осенней, безутешной,
Где птицы скрылись, свет
померк, —
Так далеко до песни вешней,
И слишком близок первый снег.

Так будьте же благословенны,
Закон презревшие цветы.
И этот подвиг дерзновенный —
Во имя вечной красоты.

А музыка с ветвей стекала
Листом кленовым, каплей
звонкой,

И паутинкою дрожала,
Закатной полосой за ёлкой.

В ней было всё: и боль,
и нежность,

Изломанность осенних линий.
И даже будущая снежность,
И утренний на травах иней.

И тишина в ней созревала
В потустороннем звёздном звоне
И спелым яблоком упала
В протянутые к ней ладони.

Воздвижение Креста Господня

Я умер, и душа моя летела
Средь ярких молний в сумерках
седых,

И хоронить несли родные тело —
Средь вспышек прошлого порой
я видел их.

Не чувствовал ни холода,
ни страха,
Ни голосов, ни запаха земли,
Но словно вдруг ударился
с размаха
О крест сияющий... И вот —
сизу в пыли.

И в теле зреет странное
томленье,

А в голове всё мечутся круги.
Мне говорят, что это
воскресенье,
Что мне Господь продлил земные
дни.

И я иду обратно, оглушённый,
Все расступаются со страхом
предо мной.

Так найден был великий Крест
Господний,

И он воздвигся в славе
над землёй.

А что же я? Каков мой путь
отныне?

Ожог на лбу остался от креста.
И я ушёл от суеты в пустыни,
Чтобы понять веление Христа.

Я понял: смерти нет, но должен
каждый

Поднять свой крест и с ним
идти вперёд.

И я, земным путём идущий
дважды,

Отныне знаю: всех нас ждёт
Господь!

Мне нравится запах пыли
Не пройденных мной дорог,
И то, что мы раньше были,
И то, что над нами Бог.

Я верю рассвету больше,
Чем клятвам и письменам.
А звон облетевшей роицы
Как в мёртвой деревне храм.

Я знаю: душа бессмертна
У тех, кто прошёл сквозь тьму,
И то, что порывы сердца
Не объяснить уму.

Есть час в ночи, который
открывает
Иные звёзды — чёткий их узор

Мне стыдно, я неровно шла,
То падала, то оступалась,
Но если ты меня вела, —
Я над землёю поднималась.

Мне горько, я была глуха
К твоим подсказкам и советам.
Всё, что я сделала, — труха,
А всё твоё — искрится светом.

Я слишком поздно поняла,
Какой мне дан был дар
с рожденья, —
Меня вела ты мимо зла
К высокой мудрости смиренья.

Человек отличается от Божьего замысла гордыней

Свобода выбора и творчество
от Бога
Живущему даётся при рожденье,
И каждому отмерена дорога —
Мучительное бремя восхожденья.

Как облако, подсвеченное
солнцем,
Так замысел о нас сияет Божий.
По силам в мире каждому даётся,
Но мы и малости использовать
не можем.

И будет жизнь короткой или
длинной,
А всё равно ответ держать
придётся,
Как пролагал свой путь в земных
теснинах
И чьё преобладало руководство.

И Ангелы придут, и станут
справа,
А слева те, кто лёгок на помине,
И ты постигнешь, что и Божья
слава —
Наш путь земной, но только
без гордыни.

Крапива

Ветра сорвали наряд последний.
Уж осень поздняя, но опять
Цветёт крапива, её цветеньё
Даёт мне силы не унывать.

Она одна одолела тленьё,
Презрела времени скучный ход,
Кто смерть встречает свою
цветеньем,
Любую зиму переживёт.

Вот побелели дорожки, крыши,
И даже речку сковало льдом.
Бегу к полянке, крапива дышит
Зелёным жарким, живым огнём.

Так смерти нет! Есть одна
усталость
И добровольный отказ, побег.
Боже, какая светлая радость —
Ожог крапивы сквозь тонкий
снег.

Пастушок ящериц

Там, где тёплое солнце из моря
встаёт,
Крымских гор озаряя вершины,

В руслах горных ручьёв обитает
народ,
Для обычного глаза незримый.

Средь нагретых камней они стадо
пасут
Резвых ящерок, пёстрых,
игривых,
Им играют на дудочках, пляшут,
поют,
Нет на свете народа счастливей.

Словно птицы беспечны и вечно
юны,
Они радостью землю спасают,
Ткут из звуков прозрачный
покров тишины
И цветы по утрам раскрывают.

Я в ущелье Трёх гор рисовала
закат,
Стали синими длинные тени,
Вдруг среди серых камней
уловил чуткий взгляд,
Словно проблеск мгновенный, —
движение.

И нежнейшие звуки: напев
ручейка,
Шелест листьев, цветов
колыханье —
Потекли, повторяя полёт
мотылька
Или моря ночного дыханье.

Обтекая препятствия, звуков
поток
Таял в воздухе россыпью
звёздной,

И в траве затаился шальной
ветерок,
И приблизились хмурые сосны.

Краем глаза я видела: на валуне
Стайка ящериц, с ними малютка;
Я б решила, что это почудилось
мне,
Но играла волшебная дудка.

И мелодии в такт поднимались
хвосты,
А потом заплетались в узоры.
И казалось, что камни —
живые цветы,
И прозрачными сделались горы.

Серебрились подземных озёр
зеркала,
В толще глыб самородки
сверкали.
Но неловко затёкшей рукой
повела, —
И виденья, и звуки пропали.

Быстро горы сгустили небесную
тьму,
Рядом с дерева филин заухал.
Сколько в мире чудес,
неподвластных уму,
Недоступных ни глазу, ни слуху.

Вся земля — волшебство,
но всему дан свой срок,
Заплетаются времени волны,
И в ущелье Трёх гор дудку
взял пастушок,
Чтоб людские закончились
войны.